

- Ты оставь эту самодеятельность, Василий. Самородок. Самодур ! Малолетний идиот думает, мы сами сделать ничего не в силах, пишет эти послышки свои - и не думает, что самое главное, о последствиях ! - Господин, ведущий монолог, остановился, протер пот на затылке, постучал пальцами о дубовый стол, взглянул на стоящие в кабинете часы с маятником, и покачивая головой, вспомнил о собеседнике - Ты же знаешь этого юнца, так скажи мне на милость, ежели он такой умный, разве не понимает, какова будет реакция Императора, позволю ли я этим смутьянам мирно шествовать по столице ? А что в народе завтра скажут ? А напишут ?! "Братья и сестра ! Армия на нашей стороне ! Не кладите своих сил, несомненно, посеян страх, а следовательно и победа нас ждет !" - вот что напишут и что скажут завтра те, кого он и ты поклялся ограбить от спасительного кулака правосудия.

- Виктор Викторович, но послушайте, ведь право дело, разгони мы рабочих, объявятся эти революционеры и объявят тут же: кровавый император не щадит свой народ и, мол, этого же угнетателя-буржуа - бояре да купцы готовы пить кровь несчастного рабочего, его детей и жены. Вы знаете, на протест пробрались их отроки с женками - и их прикажите бить ? А там же маги - не пощадите их репутации ? А армия - и им, стало быть, следует губить наших детей ? - Былгатырев вскочил с места, явно переживая о грядущих волнениях черни. Как может он, пройдя восточную компанию, сражаясь за мир и благо всякого русского человека на русской земле, теперь же, со слов Дружевича, этого ребенка-непоседы и явно неглупого юнца, положить нормой всякого рода попустительства, как применение крайних мер в положении, не требующем оного ? Он, может быть, еще не дорос, но ежели связи есть и есть таковая возможность, почему не похлопотать за лучшее будущее ?

- Сядь, Вася, не до чувств. Ты лучше скажи, если на все вопросы ответы знаешь, как мне, Военному Министру, донести до Императора, что мы и разогнать эту толпу не способны, и, значит - он ткнул толстым пальцем в невидимую, кою сам из своего ума выдумал, бумажку на своем столе - чтобы армия действительно не перешла на сторону социалистов, оставить все, как оно есть ?

От Былгатырева остался осадок. Он и сам думал, что надлежит сделать, чтобы люди услышали волю монарха да не громили улицы почем зря. Однако ответа в его старой голове не находилось, и он сам уже думал, что находится в безвыходной ситуации. И куда - пенял себя, сидя в ожидании этой встречи - лезет он ? Все этот Саша делает неправильно: мог бы и вовсе оставить все, да служить - дело это у него, словом, выходило замечательно. Ему доносили, выделяется он, показывает лучшие результаты. Впрочем, на то все и надеялись, впервые лицезрев сей самородок.

Выдохнув, он вспомнил о письме. Глаза не желали лечь на скучный натюрморт стола, заваленного бумагами, как и на портрет скверно сохранившегося Сладгорова Виктора Викторовича, пьяным балетом окидывая весь кабинет. Колени забили военный марш, а душа ушла куда-то в пятки - Да... Дружевич предложил выступить самому Императору Всероссийскому, дабы тем убедить массы разойтись и лишит оппозицию возможности очернить наше правительство, оклеветав то в неоправданной жестокости.

1908 год 3 марта по общему календарю, Петроград.

Ковер собравшихся на площади масс был сер и убог. Здесь было тридцать тысяч человек, жаждущих справедливости. Множество люда пришли под предводительством некоего патриарха: с крестами, плакатами, с портретом самого Николая II ! Несмотря на мои мольбы не пускать магов в эту процессию, нас снабдили ружьями, ОРБаами да пустили бороздить небесные просторы. Патрулировали мы и следили за порядком на 100-метровой высоте, тем

паче, что летному мастерству почти никто толково не был обучен. Из приятного - это, бесспорно сам полет. В прошлом не приходилось мне часто проводить в небе, ибо таковой надобности не имелось, а потому я с немыслимым для себя прежнего упоением вдыхал все еще морозный воздух и испытывал страстную эйфорию от сего действия. В городах ходила вонь, какой в наше время в центре было трудно представить, а потому освобождение от оногo на такой высоте - божья милость. По правде, я отчасти жалел о своих просьбах, ибо по-настоящему живой полет нам не преподавали, и на ту же сотню метров никогда не пускали. Что-же, теперь давайте испытаем наших мошек на поле брани ? Неприятно.

Когда начались первые действия со стороны протестующих, сказать трудно. Мне приметилось несколько лиц, провоцирующих толпу: что-то выкрикивали, требовали, скандировали, и даже пытались бросаться камнями. Мы попытались пару этих провокаторов вынести вон, однако вышло все скверно - толпа не выпускала из своих цепких рук нелицеприятных особ, а рисковать стабильностью было восприищено поступившим все же приказом. Так мы безуспешно кружили, пока эта масса не навалилась на оцепление. Что послужило ? Некто из дураков вышел и во всю глотку разорвался:

**- ВЫ ПОДРЫВАЕТЕ ПРАВОПОРЯДОК И ДЕСТАБИЛИЗИРУЕТЕ ВНУТРЕГОСУДАРСТВЕННУЮ ОБСТАНОВКУ СВОИМИ БЕСПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ, ПРОСИМ ВАС РАЗОЙДИТИСЬ ! В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МЫ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ ПРИМЕНИТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕРЫ !**

Это общество в тот же миг зашагало на смущающего их борца справедливости под напутствием сзади идущих "Ах, это мы нарушаем ?", "Бойтесь нас, скрылись за армией !", "Кровопийцы, поощряете казнокрадов !", "Убийцы, вы ответите за моих голодных детей !". Тот отбрыкался, поплевался и его сместили, дабы далее не будоражить массы блаженным невежей. Уже приходило в голову самому на его место встать, как едва остановили машину пролетарской революции, но произошел еще более неожиданный казус: на место явилась делегация министров ! Наскоро возвели они сцену для своей игры и упросили всех успокоиться: мол решают они назревшие проблемы и понимают все, но не могут, бедные, все решить, покуда массы вместо дела по Петрограду гуляют и народ волнуют. Это вывело толпу из себя еще более, чем бравое выступление поборника закона, и в несчастных министров кинули пару камней, что те и убежали подальше. Одно только "но".

- Смотри, Саш, человек идет в обход. Хочет чего, наверное. - Маховик закручивался, протест набирал силы, а вот законные власти теряли в глазах простых людей всякое уважение. Казалось, не было и не находили они решения назревшего кризиса, а ведь я же им предлагал ! Тем не мене, благо, не разгонялись пока - и то спасибо. Хотя о чем я ? Тут подозрительная особа подбиралась к несчастным министрам, вставшим в стороне от центра разворачивающихся событий. Заметила это Маша, 15-летняя подруга по оружию. Училась она паршиво, ровно так же, как и остальные, но глазки были ясными и понимала все без всякого повторения. Ребров, заслуживший некоторое уважение и поставленный, как маг, над нашим коллективом во главе, а также поставивший меня командовать сегодняшней операцией, был мною заверен, что именно Маша по правую руку обязана была занять положение моего помощника, с чем, правда, не спорил, углядев действительный потенциал подростка.

- Доложи Реброву об этом, я же покамест прослежу за ним. - Ребров являлся наблюдателем и почти не участвовал в процедуре охраны правопорядка, но он имел связь с военными на земле, а потому мог оказать содействие, случись нашему корпусу узреть определенную аномалию, как например настоящую в лице движущейся к господам министрам особы.

Я был в непосредственной близости, когда эта персона вынесла из внутреннего кармана пистолет. Секунда и вот мы лежим с ним, а оружие, направленное ранее на лысого министра,

летит под ногами протестующих граждан к порогу одного из построенных здесь домов. Выстрел. Всего один выстрел был дан из него, после чего слышались выкрики, брань и очередные залпы. Стреляли из толпы, после были даны залпы гвардией, оцепившей дворец. Толпа в суматохе разбегалась, а я, испытывая праведный гнев, питаемый распирающей мое тело маной, пару раз треснул по лицу скверно одетого эсеровца.

- Сука !

<http://tl.rulate.ru/book/62600/1727939>